

С л о в о

въ недѣлю 24-ю по Пятидесятницѣ*).

Утѣшительныя слова слышимъ мы сегодня изъ устъ св. ап. Павла: „вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу“ (Ефес. 2, 19).

Какъ хорошо быть челоувѣку среди своихъ людей, которые его любятъ, понимаютъ, сочувствуютъ ему, раздѣляютъ его скорби и радости! И какъ, наоборотъ, тяжело чувствуется среди людей, сплошь чужихъ ему, враждебныхъ, въ которыхъ онъ не можетъ встрѣтить ни тѣни искренняго сочувствія и состраданія! Попавши въ такую среду людей, челоувѣкъ иногда начинаетъ скучать и томиться, одолевать его начинаетъ тоска по своимъ, по родинѣ, онъ духовно страдаетъ, хирѣетъ, какъ растеніе, попавшее въ чужеродную почву. Конечно, многіе осваиваются и съ чужбиной, но только тогда, когда и тамъ найдутъ людей своихъ, сочувствующихъ, понимающихъ. Такъ бываетъ и съ христіанами: хотя во время земной жизни они не въ своемъ дому, они странники и пришельцы, ихъ отечество на небесахъ, но какъ многіе къ чужбинѣ привязываются болѣе отечества, совсѣмъ забываютъ о небесномъ отечествѣ, живутъ на землѣ, какъ бы здѣсь былъ ихъ вѣчный домъ и отчизна! Если многіе, лучшіе евреи въ плѣну вавилонскомъ въ горести восклицали: „како воспую пѣснь Господню на землѣ чуждѣй? Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя“ (Псал. 136, 4—5), то сколько, наоборотъ, было и такихъ, которые чуждую страну Вавилонъ, предпочли своему отечеству и не возвратились въ послѣднее, когда персидскимъ царемъ Киромъ дано было на то разрѣшеніе! Не такъ ли и среди насъ, христіанъ, какъ многіе предпочитаютъ оставаться въ духовномъ Египтѣ (Апок. 11, 8) страстей житейскихъ, какъ еще ранѣе

*.) Произнесено во Владикавказскомъ каедральномъ соборѣ. 6 нояб. 1916 г.

Вавилона евреи, изведенные изъ Египта, постоянно обращались сердцами (Дѣян. 7, 39) къ Египту съ его „мясами“, или, желая оставаться въ духовномъ Вавилонѣ, презрѣли свое отечество?

Христось, Сынъ Божій, явился на землѣ и жилъ съ нами для того, чтобы снова приблизить къ Богу людей, столь удалившихся отъ Него, враговъ и чужихъ Богу сдѣлать Своими сынами возлюбленными. Онъ распростеръ длани на крестѣ, чтобы всѣ концы земли увидѣли спасеніе Бога нашего (Исаи 52, 10), чтобы собрать всѣхъ къ Себѣ подъ крылья любви Своей, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья. Онъ ввелъ всѣхъ въ единый домъ Отчій, Церковь Свою, посадилъ всѣхъ, добрыхъ и худыхъ, за единую трапезу Свою, всѣмъ предлагая ѣсть плоть Свою и пить кровь Свою. Онъ не только Своими назвалъ ихъ, но и хотѣлъ, чтобы всѣ были съ Нимъ едино, какъ вѣтви лозы едино съ нею, какъ Самъ Онъ единъ со Отцемъ (Іоан. 15, 1—5; 17, 22; 10, 30). Какого еще приближенія къ Нему могли бы мы ожидать? Но вотъ человекъ, введенный въ такое единство съ Богомъ во Христѣ, снова удаляется отъ Него и дѣлается совсѣмъ чужимъ для Него. Сколько людей, которые носятъ имя Христа, но совершенно Ему чужды! Что сказали бы мы о дѣтяхъ, которыя носятъ, правда, отчество, званіе отца, но, удалившись отъ отца, совсѣмъ о немъ не вспоминаютъ, никогда ему не пишутъ о себѣ, мало того, въ душѣ къ нему холодны, даже враждебны? Развѣ такія дѣти не сдѣлались чужими отцу? Какъ же многіе хотятъ быть христіанами, никогда о Христѣ почти не вспоминая, или вспоминая лишь случайно, разсѣяннымъ, холоднымъ воспоминаніемъ? Какъ многія изъ подобныхъ дѣтей, если имъ случится возвратиться въ домъ отеческій, находятъ въ немъ все для себя чуждымъ и непривычнымъ — и порядки жизни и обычаи, и пишу и занятія! Не такъ ли и многимъ христіанамъ, возросшимъ подъ кровомъ Ма-

тери, Церкви, св. Церковь потомъ стала казаться не Матерью, домою Отчимъ, а чѣмъ-то совершенно чужимъ? Все въ ней для нихъ странно и непривычно: и эти моленія, и эти порядки христіанской жизни, всѣ эти мысли и настроенія, которыми хочетъ наполнить св. Церковь души чадъ своихъ. Святые кажутся не своими и близкими, а безконечно далекими людьми, къ которымъ приступиться совершенно невозможно. А жизнь ихъ—какою она кажется имъ странною и несродною для себя самихъ?! Имъ кажется, что, еслибъ они начали вести жизнь, хотя отчасти подобную жизни святыхъ, то они должны были бы какъ бы заживо схоронить себя, прежде времени вогнать во гробъ. Какое духовное отчужденіе отъ Бога, отъ Христа, святыхъ Его! И какъ же послѣ этого имъ быть вѣчно въ царствіи Божіемъ, въ которомъ все имъ такъ чуждо, несродно, непривычно, тяжело, даже прямо враждебно? Развѣ они не ушли бы изъ него сами, какъ люди во время земной жизни отходили отъ Христа, какъ теперь люди не идутъ на зовъ Христовъ, слыша его ежедневно, ежечасно?

Но, скажутъ многіе, развѣ мы ушли отъ Христа совсѣмъ, развѣ сдѣлались совсѣмъ чуждыми Церкви? Развѣ не продолжаютъ многіе призывать Христа, Божію Матерь, наполнять дома молитвы? Да, но не всякая молитва или пребываніе въ дому Господа свидѣтельствуешь о томъ, что мы близки Богу, свои Ему, а не чужіе. Вѣдь, мы прибѣгаемъ къ Богу особенно въ горѣ и нуждѣ. Посмотрите на этихъ усердно молящихся въ храмахъ. Развѣ не горе и нужда подсказываетъ имъ слова молитвы? Но, если дитя, чувствуя боль, зоветъ мать свою, развѣ оно непременно любить ее? Пока чувствуется боль, мать нужна ему, а пройдетъ ощущеніе боли, дитя забываетъ о матери и растетъ иногда въ себялюбіи, при которомъ только себя самого любить. Или представимъ, что дѣти долго, цѣлыя годы не писали бы о себѣ отцу и матери; наконецъ, по-

слѣдніе получили долгожданное и желанное письмо, и что же? Въ немъ заключается лишь просьба о деньгахъ, или иной помощи, а кромѣ того, ничего не написано, ни одного теплаго слова, въ которомъ проявилась бы сыновняя преданность отцу и матери, не сказано? Развѣ утѣшило бы подобное письмо отца, и мать любящихъ дѣтей своихъ? Не этимъ ли докучливымъ просьбамъ о нуждахъ своихъ житейскихъ подобны столь часто наши молитвы? Конечно, мы не можемъ не возносить ихъ, какъ не можетъ человѣкъ, чувствующій сильную боль, не звать кого-либо на помощь. Хорошо и то, что мы хотя въ бѣдахъ и нуждахъ обращаемся къ Богу, свидѣтельствуя хотя этимъ еще свою память о Немъ, еще не оборвавшуюся связь съ Нимъ и долю благодарной даже преданности Ему, показываемъ, что мы не дошли еще до ожесточенія злыхъ демоновъ, которые, и терпя ужасныя страданія, къ Богу не хотятъ обратиться. Но все же гораздо отраднѣе было бы, если бы мы взывали не объ однѣхъ житейскихъ нуждахъ, а и о духовныхъ, вздыхали о томъ, что обременены мы не только „напастями, скорбями и болѣзнями“ житейскими, а и грѣхами многими, какъ внушаетъ намъ св. Матерь Церковь въ молитвахъ своихъ. Эти вопли сердечные о бѣдствіяхъ души погибающей еще большее сожалѣніе внушаютъ къ намъ на небесахъ, сродняютъ насъ съ небожителями, но все же и этихъ однихъ воплей еще мало, чтобы сдѣлаться намъ „своими“ Богу.

Истинное сродненіе съ Богомъ совершается чрезъ любовь. Хорошо, когда насъ будетъ неудержимо влечь въ домъ Божій, какъ подъ уютный кровъ собственнаго дома, когда мы будемъ чувствовать влеченіе быть съ Богомъ и со святыми Его, какъ родственники и близкіе люди чувствуютъ неискоренимую потребность другъ съ другомъ бесѣдовать или хотя побыть другъ съ другомъ. И все это создается привычкой, постоянными навыками, а не сразу,

безъ привычки же снова можетъ быть утрачено. Если чувствуется отчужденіе отъ Бога и святыхъ Его, отъ дома Его, необходимо приучать себя усиленно и неуклонно къ общенію съ Нимъ, какъ человѣкъ отчуждившійся отъ дома, потомъ, употребляя усиліе надъ собою, снова къ нему привыкаетъ и начинаетъ цѣнить и любить его болѣе прежняго. И какъ необходимо созидать и хранить въ себѣ эту привычку къ общенію съ Богомъ! Вѣдь, если удалимся отъ Христа и святыхъ Его, то какое намъ останется общество? Не демоновъ ли и подобныхъ имъ людей, ожесточившихся въ злобѣ? Какъ тяжело даже преступникамъ, для которыхъ злоба сдѣлалась какъ бы сродной имъ стихіей, быть въ постоянномъ обществѣ злобныхъ преступниковъ въ тюрьмѣ, чувствовать на себѣ холодную злобу ихъ, отчужденіе и ненависть, хотя бы они и казались своими? Не тѣмъ ли ужаснѣе общество демоновъ, которому пріобщаются люди, отчуждающіеся отъ Христа и св. Матери Церкви?

Будемъ же воспитывать въ себѣ всячески любовь и сердечное влеченіе къ Богу, Христу, Его св. Церкви. Не дадимъ себѣ успокоиться до тѣхъ поръ, пока Христось, Его Церковь и святые будутъ намъ дороги не въ дни лишь бѣдствій, но и тогда, когда нѣтъ этихъ бѣдствій, когда намъ нечего просить, а только остается радоваться о Господѣ и хвалить Его. Вѣдь, истинная любовь полна сладостнаго блаженства и духовныхъ восторговъ,—какова любовь къ Богу ангеловъ и святыхъ. Такою она должна сдѣлаться и у насъ въ отношеніи къ Богу, чтобы мы не по имени лишь, назывались христіанами, не по названію лишь были чадами Церкви, но и самымъ дѣломъ исполнились на насъ слова св. ап. Павла, приведенныя въ началѣ: „вы уже не чужіе и не пришельцы, а сограждане святымъ и свои Богу“ (Ефес. 2, 19).

Епископъ Ѳаддей.